

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

**НА ПРИМЕРЕ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ
И ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕврАзЭС**

МОНОГРАФИЯ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В.Ю. Лукьянова

Коллектив авторов

**Правовые проблемы
формирования
межгосударственных
объединений (на примере
зоны свободной торговли и
таможенного союза ЕврАзЭС)**

«Юриспруденция»

2013

УДК 341
ББК 67.911.221.5

авторов К.

Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и таможенного союза ЕврАзЭС) / К. авторы — «Юриспруденция», 2013

ISBN 978-5-86476-366-7

В монографии исследованы основные правовые проблемы, возникающие в ходе формирования и развития на постсоветском пространстве межгосударственных объединений экономической интеграции. Определены особенности правового статуса и правового регулирования деятельности основных интеграционных объединений, действующих на постсоветском пространстве, – Содружества Независимых Государств и создаваемой на его основе Зоны свободной торговли, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, объединившего Республику Беларусь, Республику Казахстан и Российскую Федерацию, а также факторы, снижающие эффективность развития интеграционных процессов. Особое внимание уделяется изучению норм международного и коммунитарного права, а также норм и основных направлений развития национального законодательства государств – участников интеграционных объединений, призванных обеспечить свободу движения товаров, услуг, капиталов и людей в рамках Единого экономического пространства. Издание предназначено для научных работников, государственных служащих, студентов, аспирантов, а также тех, кто интересуется проблемами взаимодействия международного права, права межгосударственных интеграционных объединений и внутригосударственного права. В монографии использованы нормативные правовые акты по состоянию на 1 августа 2012 г.

УДК 341
ББК 67.911.221.5

ISBN 978-5-86476-366-7

© авторов К., 2013
© Юриспруденция, 2013

Содержание

Список используемых сокращений	7
Предисловие	8
Глава 1. Экономическая и правовая интеграция в современном мире	10
§ 1. Основные тенденции развития мирового сообщества: глобализация и регионализация	11
§ 2. Формы и основные характеристики межгосударственной экономической интеграции	20
2.1. Виды интеграции	20
2.2. Взаимосвязь правовой и экономической интеграции	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и таможенного союза ЕВРАЗЭС). Монография

Ответственный редактор: В. Ю. Лукьянова

Авторы:

Габов А. В. – доктор юридических наук, заведующий отделом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 3 гл. 3 (в соавторстве с Е. В. Оболонковой);

Каширкина А. А. – кандидат юридических наук, руководитель центра сравнительно правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 2 гл. 1 (в соавторстве с Е. Е. Рафалюк), § 1–3 гл. 2 (в соавторстве с В. Ю. Лукьяновой и Е. Е. Рафалюк), § 1 гл. 3, § 2 гл. 3 (в соавторстве с В. Ю. Лукьяновой, А. С. Мочаловой и Е. Е. Рафалюк);

Лукьянова В. Ю. – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 1 гл. 1 (в соавторстве с Е. Е. Рафалюк), § 1–3 гл. 2 (в соавторстве с А. А. Каширкиной и Е. Е. Рафалюк), § 4 гл. 2, § 2 гл. 3 (в соавторстве с А. А. Каширкиной, А. С. Мочаловой и Е. Е. Рафалюк); § 4 гл. 3;

Мочалова А. С. – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 2 гл. 3 (в соавторстве с А. А. Каширкиной, В. Ю. Лукьяновой и Е. Е. Рафалюк);

Оболонкова Е. В. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 3 гл. 3 (в соавторстве с А. В. Габовым);

Рафалюк Е. Е. – кандидат юридических наук старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – § 1 гл. 1 (в соавторстве с В. Ю. Лукьяновой), § 2 гл. 1 (в соавторстве с А. А. Каширкиной), § 1–3 гл. 2 (в соавторстве с А. А. Каширкиной и В. Ю. Лукьяновой), § 2 гл. 3 (в соавторстве с А. А. Каширкиной, В. Ю. Лукьяновой и А. С. Мочаловой).

Рецензент: Осминин Б. И. – кандидат юридических наук, заслуженный юрист России.

Одобрена на заседании секции «Публичное право» Ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Протокол № 16 от 21 декабря 2011 г.).

© Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Список используемых сокращений

- АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
ВТО – Всемирная торговая организация
ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ДРС – Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров в рамках ВТО
ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество
ЕТТ ТС – Единый таможенный тариф Таможенного союза
ЕЭП – Единое экономическое пространство, включающее территории Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан
Закон № 184-ФЗ – Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»
Закон № 381-ФЗ – Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»
Закон № 385-ФЗ – Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 385-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании»
КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
МЕРКОСУР – Южноамериканский общий рынок
МОТ – Международная организация труда
НАФТА – Североамериканская зона свободной торговли
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации
СМИД – Совет министров иностранных дел государств – участников Содружества Независимых Государств
ТК ТС – Таможенный кодекс Таможенного союза
ТН ВЭД ТС – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, основанная на гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации, применяемая в рамках Таможенного союза
УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию

Предисловие

Первые десятилетия XXI века проходят под флагом глобализации – расширения и интенсификации процессов «сближения национальных экономик в целях формирования единого экономического пространства»,¹ сопровождающихся масштабными изменениями и в иных сферах жизни человеческого общества – социальной, политической, культурной и т. д. Как следствие, сегодня нет практически ни одного государства в мире, которое в той или иной форме не было бы включено в процесс сотрудничества и взаимодействия в рамках глобального пространства.

Не является исключением в этом отношении и Российская Федерация. Позиционируя себя как неотъемлемую часть глобализирующегося мира, наша страна является участником многих международных соглашений – с Европейским союзом, с Всемирной торговой организацией, с Шанхайской организацией сотрудничества и другими. Особое значение для России имеет сотрудничество с государствами – членами СНГ, которые исторически, культурно и лингвистически связаны между собой.

Однако интенсификация глобализационных процессов таит в себе не только выгоды (возможность выхода на новые рынки или взаимное обогащение различных культур), но и угрозы (обострение конкурентной борьбы, снижение барьеров для распространения негативных девиаций, таких как коррупция, наркотизм, торговля людьми² и пр.). Поэтому развитие международного сотрудничества в рамках межгосударственных интеграционных объединений, включая интеграционные объединения, созданные и создающиеся на просторах бывшего Советского Союза, все в большей степени отражает две тенденции: расширение участия государств в таких интеграционных объединениях и стремление защитить свои национальные интересы. Противоречивость этих тенденций придает интеграционным процессам сложный и многомерный характер.

Указанные тенденции находят отражение и в правовой сфере, где национальное законодательство испытывает все более сильное влияние принципов, институтов и норм международного права, что порождает ряд проблем правотворчества и правоприменения.

Авторы настоящего исследования, признавая объективную обусловленность, необходимость процессов глобализации и регионализации, предприняли попытку наметить основные контуры правовых проблем, возникающих по мере развития на постсоветском пространстве интеграционных процессов, наметить пути их решения, а также обозначить вопросы, которые только предстоит решить в теории и практике интеграционного строительства.

В структурном отношении работа состоит из 3 глав, посвященных важнейшим аспектам развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Набор разделов и их содержание подчинены определенной логике, вытекающей из существа рассматриваемой рекламы.

Нарастающая экономическая взаимозависимость стран мирового сообщества делает невозможным успешное социально-экономическое развитие государства вне мирового сообщества. Поэтому первая глава исследования посвящена изучению основных тенденций и форм развития межгосударственной интеграции на современном этапе.

Для России же, провозгласившей своей стратегической целью достижение к 2020 г. уровня экономического и социального развития, соответствующего ее статусу ведущей миро-

¹ Леманн Ж.-П. Близок ли закат свободной торговли? // Россия в глобальной политике. М., 2007. Т. 5. № 5, сентябрь-октябрь.

² См.: Гишинский Я. И. Глобализация и девиантность в России. // В сб.: Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб., 2009. С. 149–229.

вой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан,³ наиболее значимым является развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Декларация от 18 ноября 2011 г. «О Евразийской экономической интеграции» провозгласила основным содержанием интеграции максимально полную реализацию потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства, совершенствование и дальнейшее развитие договорно-правовой базы, институтов и практического взаимодействия по различным направлениям. В перспективе предполагается образование Евразийского союза. В связи с этим исследование правовых проблем формирования интеграционных объединений – Таможенного союза и Зоны свободной торговли – представляется актуальным в контексте продвижения и развития форм интеграционного взаимодействия. Однако региональная и субрегиональная интеграция на пространстве государств – участников Содружества Независимых Государств характеризуется рядом особенностей, которые исследуются во второй главе монографии.

И наконец, третья глава затрагивает вопросы построения региональной правовой системы, рассматривает особенности правотворчества в условиях развития интеграционных процессов.

В целом представленные результаты исследовательской деятельности могут способствовать повышению эффективности решения двуединой задачи: активизации участия Российской Федерации в межгосударственных интеграционных объединениях, с одной стороны, и защиты национальных интересов в условиях интенсификации глобализационных процессов – с другой; придать новый импульс изучению этой актуальной темы и систематизации накопленных знаний, обновлению научных подходов к проблемам эффективности взаимодействия международно-правовых и национально-правовых регуляторов всех сфер жизни российского общества в свете тех возможностей, которые дают современные юридические технологии.

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-Р. // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Глава 1. Экономическая и правовая интеграция в современном мире

Основной вопрос глобализации – это вопрос о государстве. Остаются ли государства несущей конструкцией в устройстве современного мира или они постепенно вытесняются другими структурами и институтами? Являются ли отношения между государствами первичными отношениями, определяющими облик современного мира, или на их место приходят разного рода потоки, товарные и информационные? И так ли уж не правы те, кто говорит об «исторической исчерпаемости»⁴ государственного суверенитета? Ведь проблемы, решение которых прежде считалось прерогативой государств, их «внутренним делом», все чаще становятся предметом озабоченности на международном уровне. Оспаривается исключительный статус государства в определении того, что считать законным, а что противозаконным. Как следствие, оспаривается и монополия государства на применение насилия, а в ряде случаев и легитимность самого государства. Пространство маневра государства в экономической сфере также все больше сужается вследствие повышения мобильности капитала, деятельности транснациональных корпораций и распространения интернета.

От ответов на эти вопросы зависят условия, при соблюдении которых развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве будет способствовать защите национальных интересов Российской Федерации и преодолению вызовов и угроз, стоящих перед российской экономикой.

⁴ Дискуссию по этому поводу см.: Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 190; Современное государство: политико-правовые и экономические исследования. М., 2010; Проект будущего для России. М., 2011.

§ 1. Основные тенденции развития мирового сообщества: глобализация и регионализация

Современное мировое хозяйство все более отчетливо приобретает характер единого, целостного организма, глобального по своим масштабам. Явление глобализации находит свое проявление в интернационализации хозяйственной жизни; транснационализации предприятий и банков; экономической интеграции государств. Не менее значимы и иные «измерения» глобализации – социальное, этнокультурное, экологическое.

Термин «глобализация» используется во множестве различных контекстов. Многие ученые ссылаются на концепт глобализации как объяснительную модель тех или иных конкретных процессов, феноменов, отношений в различных сферах жизни человеческого общества. «О глобализации, – отмечает Е. А. Лукашева, – написано и сказано много. И это естественно, поскольку процесс глобализации набирает силы, оказывает все более ощутимое воздействие на жизнь государств, народов, каждого человека. Возрастание, неуклонное расширение глобализационных факторов объективно неизбежно и неотвратимо, и это могло бы только радовать, если бы они не врывались в жизнь значительной части населения земного шара как стихийное бедствие, несущее затруднения и потери. И положительные, и отрицательные аспекты глобализации зафиксированы четко, определилось размежевание ее сторонников и противников, окрашивающих данное явление либо в белые, либо в черные тона».⁵

Несмотря на столь широкое применение, единое, универсальное понятие глобализации до настоящего времени не выработано.

На сегодняшний день только научных определений глобализации, встречающихся в отечественной и зарубежной литературе, насчитывается несколько сотен; каждая дефиниция служит определенной цели, выполняет конкретную заданную функцию, высвечивает те или иные ракурсы этого сложного, емкого и многогранного явления. Так, например, по мнению американского философа Р. Робертсона, глобализация представляет собой «серию эмпирически фиксируемых измерений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое».⁶ Многие исследователи основной упор делают на экономический аспект глобализации: Ж.-П. Леманн, профессор международной политэкономии в Международном институте развития управления в Лозанне считает, что «по своей сути глобализация означает усиливающееся слияние рынков благодаря трансграничному перемещению товаров, капитала, информации, технологии и людей».⁷ Российский ученый С. Я. Веселовский, синтезируя несколько наиболее емких определений, встречающихся в литературе, предлагает понимать глобализацию как «необратимый процесс постепенной интеграции национальных экономик в единую систему мирового хозяйства. Движущими силами этого процесса являются новые технологии и новые экономические отношения, а сам процесс реализуется в конкретных решениях и действиях глобальных экономических акторов, международных институтов, национальных правительств, объединений предпринимателей и других структур, заинтересованных в придании этому процессу определенной направленности и определенной интенсивности на национальном, региональном и транснациональном уровнях».⁸ Э. Г. Кочетов, полагая, что человек

⁵ Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2007. С. 6.

⁶ Приводится по: Веселовский С. Я. Глобализация и новые контуры социальной политики. / В сб. обзоров и рефератов: Глобализация и социальная политика развитых стран. / РАН. ИНИОН. Центр науч. – информ. исслед. глобал. и регионал. проблем / отв. ред. и сост. Веселовский С. Я. М., 2008. С. 6.

⁷ Леманн Ж.-П. Близок ли закат свободной торговли? // Россия в глобальной политике. М., 2007. Т. 5. № 5, сентябрь-октябрь. С. 70–79.

⁸ Веселовский С. Я. Указ. соч. С. 7.

«опрокидывается вовнутрь» идеальными, «духовно-нравственными ценностями альтруистического толка, затмевающими здравый рассудок и здравый смысл»,⁹ призывает рассматривать в качестве центральной, сущностной основы мироустройства геоэкономику, в рамках которой осуществляется «одновременное воспроизводство на мировых конвейерах и товарной массы, и духовных ценностей».¹⁰

Столь большое внимание, которое уделяется именно экономическим аспектам глобализации, обусловлено следующим. Несмотря на то что в настоящее время динамика и направленность глобализационных процессов регламентируются различными группами факторов и производственно-технического, и политического, и социального характера,¹¹ их интенсивность задается именно экономикой, интересами наиболее экономически развитых стран, транснациональных корпораций, других агентов международного и глобального уровня. При этом национальный процесс воспроизводства во все большей степени превращается в международный, а внешнеэкономические связи между национальными государствами с их хозяйствующими субъектами перерастают в экономические связи между хозяйствующими субъектами помимо национального государства. Сами же хозяйствующие субъекты начинают руководствоваться логикой мирового хозяйства, а не национальной экономики. «В новой эре глобализации, – постулировал консультант Гарвардской школы бизнеса японец Кеничи Омае, с именем которого связано становление концепции глобализации как научной доктрины, – все народы и все основные процессы оказываются подчиненными глобальному рыночному пространству».¹² Как следствие, государство все менее уверенно играет роль хозяйствующего субъекта, уступая «нажиму» глобального капитала и транснациональных корпораций: в ходе реализации неолиберального сценария глобализации все, что не способствует повышению экономической эффективности, жестко регламентируется и «отсекается»; поощряются лишь «международные чемпионы эффективности».¹³ При этом всеобщий публичный интерес, общие международные, региональные и иные интересы отодвигаются корпоративными интересами.

Очевидно, что реализация «неолиберального» сценария глобализации порождает ряд негативных последствий. В сжатом виде можно вести речь о таких негативных проявлениях глобализации и регионализации планетарного мира, как:

- жесткое давление транснациональных корпораций на развитие национальных экономик, на процессы принятия политических и экономических решений;
- акцент на сугубо финансово-прибыльной стороне и недооценка социальных аспектов этих явлений;
- подавление основ национального права и даже сокрушение отдельных институтов и отраслей законодательства под давлением «мировых императивов»;
- ослабление суверенитета государств путем ограничения возможностей их свободной деятельности;
- жесткие требования уставов межгосударственных объединений к национальным законодательствам.¹⁴

Это позволяет некоторым исследователям говорить о трансформации государства в орган социально-экономического управления территорией, легитимность которого в глазах своего населения и внешнего мира должна определяться его «социальной эффективностью», а не традиционными институтами международного права. Резкое снижение такой «эффективно-

⁹ Кочетов Э. Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. М., 2002. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 480.

¹¹ См.: Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация и устойчивое развитие. М., 2003. С. 6–7.

¹² Ohmae Kenichi. The borderless world: power and strategy in the interlinked economy. N. Y., 1999.

¹³ Уткин А. И. Мировой порядок XXI в. М., 2002. С. 41.

¹⁴ См.: Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Тихомиров Ю. А., Пиголкин А. С. М., 2004. С. 128.

сти», по их мнению, может служить основанием для использования мировым сообществом (или отдельными его представителями) разного рода санкций, введения внешнего управления. Причем такие санкции могут при определенных условиях получить поддержку части населения страны – объекта таких мер.¹⁵

Как известно, во всех вопросах государственного суверенитета исходным служит положение о суверенитете народа как источнике государственной власти и основе существования и развития государства. Суверенное государство обладает такими признаками, как независимость и самостоятельность государственной власти, территориальная целостность, собственная правовая система и юрисдикция. Их отсутствие или ограничение служат свидетельством ослабления суверенитета государства и народа, давшего ему свое девизное наименование. Иначе говоря, государство может считаться суверенным лишь тогда, когда оно через свои органы реализует волю народа – и только его. Однако сегодня анализ событий, происходящих во внутренней жизни государств и на международной арене, позволяет отметить очевидные расхождения между их нормативным и фактическим суверенитетом. По разным политическим, экономическим, социальным и духовным причинам одни государства, которые допускают добровольную «связанность» только международными обязательствами, можно считать абсолютно независимыми в своей деятельности, другие – зависимыми в политическом отношении, в экономическом отношении, в духовном плане (мощное влияние той или иной идеологии и т. п.), третьи – как частично аннексированные (наличие чужих военных баз, контингентов, прямое давление на национальное правительство и т. п.).¹⁶ Нарастает взаимосвязь и взаимозависимость государств, взаимодействующих в рамках различных межгосударственных объединений и международных договоров, дополняемая их общими усилиями, направленными на охрану прав человека, борьбу с международным терроризмом, укреплением всеобщей безопасности. Эти усилия выражаются в действиях международных структур, в применении институтов международных наблюдателей, санкций, в использовании контингента миротворческих сил. Соответствующие решения подчас принимаются без участия и согласия государств, которых это непосредственно касается.

«Размыванию» государственного суверенитета способствует и деятельность транснациональных акторов (индивидов и институтов, прежде всего транснациональных корпораций), которые создают себе свой собственный суверенитет во «внегосударственном» мире, абстрагируясь от своих связей и функций внутри государств, способствующих их национальной идентификации и самоидентификации.

Не менее значимой является и другая сторона данной проблемы – гражданин сетевой (по выражению Юргена Хабермаса) эпохи оказывается во все меньшей степени определен своим участием в осуществлении суверенитета государства. «Если я разговариваю со своим парижским другом непосредственно или по электронной почте, когда нахожусь в Калифорнии; если я слежу за политическими и культурными событиями повсюду на земном шаре, не покидая дома; если данные, содержащие персональную информацию обо мне, используются правительствами и концернами на всем земном шаре, причем меня не ставят об этом в известность или я не хочу этому воспрепятствовать; если я, сидя дома, делаю покупки с помощью компьютера, то где я нахожусь в таком случае? Кто я?» – вопрошает Марк Постер.¹⁷

Человек эпохи глобализации во все большей степени оказывается определен тем, что он может развить ту или иную деятельность внутри таких рамок, где все процедуры подчиняются

¹⁵ См. подробнее: Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. Гранберга А. Г., Данилова-Данильяна В. И., Циканова М. М., Шопхоева Е. С. М., 2002; Оксамытный В. В. Теория государства и права. М., 2004.; Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Тихомиров Ю. А., Пиголкин А. С. М., 2004. С. 128; Тихомиров Ю. А. Суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2006. № 11.

¹⁶ Тихомиров Ю. А. Суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2006. № 11.

¹⁷ Цит. по Бек У. Что такое глобализация? М., 2001, С. 179.

ясным и предсказуемым правилам. «Неважно, – полагает Ю. Хабермас, – будут ли эти нормы устанавливаться частным предприятием или же чиновником администрации. Норма уже не будет проявлением суверенитета, она станет лишь фактором, снижающим степень неопределенности, средством сокращения расходов предприятия за счет достижения большей прозрачности».¹⁸ Соответственно возникает вопрос: может ли быть носителем суверенитета, являющегося источником государственной власти, такой «гражданин мира»?

Все это позволяет некоторым исследователям говорить о тенденциях упразднения, «снятия» национального государства.¹⁹

Такой подход, на наш взгляд, является неоправданным или, по крайней мере, преждевременным. Если государство, имеющее своей целью служение гражданскому обществу и человеку, будет открыто духу времени и динамично,²⁰ едва ли в обозримом будущем развитие глобализационных процессов приведет к формированию «мирового государства», как полагают исследователи. Ведь государство – именно «национальное» государство – это сложнейшая социальная система, которая состоит из нескольких элементов. Это – народ, нация, граждане; это – публичная (государственная) власть; это – территория и ее границы; это – государственные ресурсы (налоги, бюджет, собственность); это – механизм правового регулирования; это – официальное представительство в мировом сообществе. Каждый элемент представляет собой своего рода подсистему со своими составными частями. Связи между элементами – устойчивые и подвижные, и их забвение чревато государственными ошибками, а их разрушение – упрощением, вырождением социальной системы, разрушением самобытности национальных и субнациональных культур, ведущее к их нивелировке, к утрате нюансов, которые до сих пор сохраняются в национальных культурах, к становлению большой «всеобщей» культуры, основанной, в первую очередь, на математической логике (поскольку именно математика является тем инвариантом, который действует в социуме вне зависимости от социальных и культурных констант бытия), средствах коммуникации и всепроницающем товарном обмене.²¹

В этих условиях экономика – не единственная сфера жизни человеческого общества, подверженная воздействию глобализационных процессов. Сильнейшее влияние глобализация оказывает на социальную сферу – ряд исследователей, наблюдателей и политиков убеждены, что в последнем десятилетии прошлого – начале нынешнего века под воздействием глобализации был запущен процесс свертывания «государства благосостояния»,²² демонтажа структур социального государства, формировавшихся в течение всего послевоенного периода. В частности, в работах Дж. А. Корниа и Дж. Корта, а также Дж. А. Корниа и С. Кийски, посвященных рассмотрению влияния глобализации на социальную политику «государств благосостояния», отмечается, что неолиберальная глобализация, провоцируемая транснациональным капиталом и являющаяся причиной многих диспропорций в доходах людей, приводит к росту социального неравенства внутри стран, в том числе в экономиках постиндустриального типа; сравнительно меньшим эффектом обладают такие факторы, как внутренняя финансовая либерализация, дерегулирование рынка труда и налоговая реформа, а также приватизация.²³ Другие –

¹⁸ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 225–229.

¹⁹ См.: Оксамытний В. В. Теория государства и права. М., 2004.

²⁰ См.: Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна. М., 2011. С. 17.

²¹ См., напр.: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2004; Морен Э. К пропасти? СПб., 2011.

²² Термин «государство благосостояния» в узком смысле обозначает национальную сеть социального обеспечения, а в более широком – систему государственных программ, пособий и услуг, которые содействуют удовлетворению гражданами их социальных, экономических, образовательных, медицинских и иных потребностей, имеющих фундаментальное значение для поддержания стабильности общества.

²³ См.: Cornia G. A., Court J. Inequality, growth and poverty in the era of liberalization and globalization: (Policy-focused brief drawing on UNU WIDER's research project rising income inequality and poverty reduction: Are the compatible? / Helsinki. 2001: <http://www.wider.unu.edu>; Cornia G. A., Kiiski S. Trends in income distribution in the post-World War II period // WIDER discussion

более умеренные – исследователи говорят о том, что магистральной тенденцией реформирования национальных моделей государства благосостояния является ограничение объема социальных гарантий, а также изменение в финансировании социальной политики.²⁴ В условиях масштабных нарушений принципа социальной справедливости все более значимыми становятся такие негативные последствия глобализации, как:

- деградация общественной нравственности;
- снижение уровня личной ответственности за происходящее;
- размывание основанных на духовных ценностях способностей, самоидентификации и чувства достоинства людей.

Иначе говоря, традиционные факторы, или направления, глобализации – рост транснациональных инвестиционных потоков, развитие международной торговли, интенсификация обмена технологиями, формирование трансграничных производственных систем и коммуникаций – не только способствуют сближению национальных экономик, но и провоцируют растущую маргинализацию как отдельных социумов, так и отдельных индивидуумов, что и способствует увеличению интенсивности девиантных проявлений. В этих условиях глобализационные процессы начинают оказывать все более существенное влияние на интернализацию различных форм негативной девиантности: проституции, наркотизма, организованной преступности, терроризма, торговли людьми. «Это вполне закономерный процесс, – полагает российский социолог Я. И. Гилинский, – поскольку девиантность (ее структура, масштабы, динамика) зависит от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов».²⁵

Можно отметить и еще один аспект – под воздействием неолиберальной глобализации нарастает гомогенизация политических и институциональных систем разных стран, включая стандартизацию моделей политического поведения.

Таким образом, глобализация предстает как гораздо более сложное и многогранное явление, нежели только «сближение национальных экономик в целях формирования единого экономического пространства».²⁶ Она оказывает существенное влияние на структуру не только экономического пространства, но и социальной действительности в целом, с одной стороны, и усиливает дифференциацию социо- и этнокультурного пространства в процессе перехода современного общества от эпохи масс к эпохе индивидуальностей²⁷ – с другой. Поэтому более адекватным представляется определить понятие «глобализация» как объективно существующее явление, заключающееся в планетарно (глобально) ориентированной экспансии отдельных индивидов, коллективов, государств и межгосударственных объединений в различных сферах жизни человеческого общества (экономики, коммуникаций, информатики, культуры, религии и т. д.) с конвергенционным эффектом.²⁸

Вторым фактором, определяющим сущность современной эпохи, является трансформация мировой системы, представляющая собой сложный узел переплетающихся экономических, социально-экономических, политических и геополитических проблем, отличающихся

paper. 2001 № 2001/89. <http://www.wider.unu.edu>

²⁴ См. подробно: Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. М., 2007; Кларк Дж. Неустойчивые государства: Трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. Саратов. 2003. Т. 1. № 1; Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001; Peters J. A fine balance: Canadian unions confront globalization. Ottawa. 2002. Global social policy: International organizations and the future of welfare / Deacon B. et al. L.: Sage, 1997. XXVIII. и др.

²⁵ Гилинский Я. И. Глобализация и девиантность в России // В сб.: Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб., 2009. С. 149–229.

²⁶ Леманн Ж.-П. Близок ли закат свободной торговли? // Россия в глобальной политике. М., 2007. Т. 5. № 5, сентябрь-октябрь.

²⁷ См.: Базылевич Т. Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М., 1998.

²⁸ См.: Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. (Академический курс): учебник. М., 2004.

разной степенью взаимовлияния, совпадения и конфликтности векторов эволюции. В последние десятилетия в мировой системе формируются подсистемы крупных (сверхкрупных) стран, обладающих собственными закономерностями развития.²⁹ Поскольку этот процесс в мировой науке изучен очень мало, отметим только, что для них, в отличие от стран – «провозвестников» глобализации, стран «золотого миллиарда», характерны повышенная роль государства в экономической системе, довольно широкое использование административных методов управления, внутренний рынок как основа экономического роста, особое внимание к проблемам распределения, внешняя политика, направленная на превращение из региональных в мировые державы, с одной стороны, и сконцентрированность на внутренних проблемах – с другой. Эти особенности находят отражение в их правовой системе.

Трансформация мировой политической системы сопровождается диверсификацией экономического роста. Приведем только один пример. В 1980–1995 гг. из 161 страны, по которым ООН регулярно публиковала статистику, лишь 25 стран показывали устойчивые темпы роста, превышавшие среднемировые. В результате наблюдалось постепенное увеличение их доли в мировом ВВП. При этом лишь одна страна – Ирландия – принадлежала к группе развитых, но она показывала ничтожный прирост. Почти две трети прироста приходились на Китай и другие страны Дальнего Востока, более одной четвертой – на Южную и Юго-Восточную Азию. Остальной прирост был поделен между странами Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки. И если в 1950 г. цифры были обратными – на Запад приходилось 56 % мирового дохода, а на Азию 19 %, то в 1992 г. доля Азии составила 33 %, а Запада – 45 %.³⁰ В соответствии с прогнозами Института международного развития Гарвардского университета, сделанными после начала «азиатского кризиса-1997», к 2025 г. на Азию придется уже 55–60 % общемирового валового национального продукта, а на Запад – 20–30 %. Ж.-П. Леманн в этой связи отмечает: «Когда на мировом рынке свершилась революция и все большее количество стран приняли идею либерализации торговли, у Запада невольно потекли слюнки при виде так называемых развивающихся рынков. Тому факту, что развивающиеся рынки могут стать также развивающимися конкурентами, поначалу не придавалось большого значения. Однако цифры весьма красноречивы: в период с 1994 по 2004 гг. торговый оборот Индии увеличился на 333 %, Китая – на 487 %, Чили – на 550 %, а Вьетнама – 575 %».³¹ Конечно, для того, чтобы оценивать степень влияния развивающихся рынков на трансформации мировой системы, необходимо принимать во внимание не только относительные, но и абсолютные показатели. Понятно, что любой рост с нуля, или со значений, близких к нулю, будет демонстрировать весьма высокую динамику. Но это еще не означает, что показатели массы (влияния) и доли имеют столь же большое значение, что и показатели динамики.

Превращение азиатских стран в «центры экономической силы» приводит и к диверсификации «глобализационных» потоков товаров, капиталов, услуг и людей (мигрантов), что еще больше изменяет конфигурацию глобальной экономической системы, социо- и этнокультурного пространства.

Сочетание указанных двух факторов – расширение глобализационных процессов и диверсификация, изменение мировой системы, как представляется, влечет за собой целый ряд последствий, среди которых следует особо отметить резкую интенсификацию процессов межгосударственной интеграции на региональном уровне. «Региональная экономическая интеграция, – отмечает В. М. Шумилов, – как проявление глобальной тенденции активно осу-

²⁹ Таковыми, в частности, являются Китай и Индия, занимающие в мировой иерархии второе и пятое (по другим оценкам – третье и четвертое) места по объему ВВП, исчисленному на основе паритета покупательной способности. См.: Лунев С. И., Широков Г. К. Трансформации мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001.

³⁰ См. подробно: Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris. 1995.

³¹ Леманн Ж.-П. Близок ли закат свободной торговли? // Россия в глобальной политике. М., 2007. Т. 5. № 5, сентябрь-октябрь. С. 77.

ществляется на всех континентах, во всех «центрах экономической силы».³² Постоянно растет число региональных объединений межгосударственной интеграции – по состоянию на 1 января 2011 г. в мире было заключено 202 региональных торговых соглашения и 104 соглашения об экономической интеграции.³³

Как известно, термин «интеграция» (лат. *integratio* – восстановление, восполнение, от *integer* – целый) – объединение каких-либо частей в единое целое,³⁴ был введен в научный оборот Г. Лейбницем и И. Бернулли. Г. Лейбниц, открыв (одновременно с И. Ньютоном) интегральное исчисление, полагал, что оно отражает некий всеобщий закон природы, вследствие чего интегрированием бесконечно малых величин можно вывести саму формулу жизни («жизненную силу»). Для объяснения явлений, присущих биологическим и социальным объектам, понятие интеграции стало широко применяться с середины XIX в., а в XX в., под влиянием нового целостного представления о мире – общей теории систем, основоположниками которой являются А. А. Богданов³⁵ и Л. фон Берталанфи,³⁶ – и теории «интегративных уровней», или «уровней интеграции»³⁷ – оно было воспринято гуманитарными науками и прочно вошло в их научный инструментарий. Применительно к настоящему исследованию интеграция может трактоваться как процесс взаимодействия и взаимоприспособления разных стран, ведущий к сближению их социально-экономических, правовых, политических систем.

Исследуя соотношение глобализации и интеграции, можно заключить, что и глобализация, и региональная экономическая интеграция есть проявление различных этапов объективного процесса развития общества под влиянием интернационально развивающихся производительных сил, имеющих одни и те же истоки – качественные скачки, взрывы в развитии производства и рынка, сопровождаемые изменениями в общественных отношениях и общественном сознании.³⁸ При этом региональная интеграция предстает как один из процессов глобализации, позволяющий в определенном географическом пространстве эффективнее организовать производственные процессы в условиях глобализации, и как ответ на вызовы глобализации – нарастающую уязвимость национальных государств и национальных экономик. «Регионализацию можно рассматривать ... как защитную реакцию относительно отставших стран, защищающих свое хозяйство и его позитивную динамику от одного из направлений глобализации».³⁹ В частности, ответом России на угрозу превращения в предмет потенциальных вождельний, притязаний и экспансии является активное участие в процессах создания на просторах бывшего Советского Союза Единого экономического пространства, пространства, которое формируется государствами, имеющими общую историю, правовые традиции, а главное – общие экономические цели и интересы. При этом речь должна идти об обеспечении суверенитета государств, который служит первичным основанием для отражения интересов сообщества. Именно в нем по-прежнему в публичной и легальной формах выражены коренные интересы и воля наций и народов, в нем заложен источник правообразования.

³² Шумилов В. М. Международное право: учебник. М., 2010. С. 274.

³³ Набиуллина Э. С. Тезисы выступления на конференции РСПП «Формирование Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: взаимодействие с бизнес-сообществом» // Официальный сайт Минэкономразвития России: http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20101116_04

³⁴ См.: Курс международного права в 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / Бардина М. П., Войтович С. А., Колосов Ю. М. и др. М., 1993. С. 8–16.

³⁵ См.: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Т. 1–2. М., 2003.

³⁶ См.: Садовский В. Н. Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

³⁷ Наиболее последовательно изложил эту теорию американский биолог Новиков А. Б... См.: Novikoff A. B. The concept of integrative levels and biology // Science. 1945. Vol. 101, № 2618.

³⁸ См.: Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура / под ред. Глухарева Л. И. М., 1999. С. 46.

³⁹ Гаврилов Ю. Н. Теоретические аспекты региональной интеграции / В сб.: Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / под общ. ред. Гаврилова Ю. Н., Терновой Л. О. М., 2007. С. 4.

Региональная интеграция, устранение или смягчение барьеров на пути перемещения капитала, технологий, товаров, рабочей силы углубляет разделение труда, тем самым способствуя более полному использованию каждой страной своих естественных конкурентных преимуществ, расширению рынка и повышению эффективности производства. Ведь интеграционная группировка осуществляет коллективную защиту своих членов от иностранной конкуренции, с одной стороны, и стимулирует взаимные экономические связи своих членов – с другой. Поэтому законы мирового рынка действуют на членов интеграционного объединения не прямо, а опосредованно. Кроме того, региональная экономическая интеграция, экономические связи всех видов наиболее успешно развиваются между странами относительно сопоставимого уровня развития, тогда как объединение в рамках одного интеграционного образования стран с различным уровнем экономического развития и различной напряженностью социальных проблем делает все межгосударственное интеграционное объединение уязвимым для мировых экономических кризисов.⁴⁰

Преодолением противоречивости процессов регионализации и глобализации можно считать появление особых форм их взаимодействия. Иногда их называют принципами. Одним из них является «открытый регионализм». Этот принцип принят и применяется, в частности, в азиатско-тихоокеанской и латиноамериканской моделях интеграции (например, в АТЭС, МЕРКОСУР). Эти и другие интеграционные объединения создаются не столько в целях регионального самообеспечения, сколько для того, чтобы извлечь наибольшие выгоды из новой системы международного разделения труда, и поэтому они открыты для расширения связей с третьими странами. «Открытый регионализм» служит предпосылкой, этапом глобализации мировой экономики.

Однако в последнее время все чаще употребляется понятие «новый регионализм», означающее резкую интенсификацию и усложнение регионализма в международных экономических отношениях. Это явление имеет две формы: количественную («поток» новых региональных соглашений, перезаключение ранее существовавших договоров на новых условиях и т. п.) и качественную (увеличение глубины регионального хозяйственного взаимодействия, использование комплексных, более развитых форм интеграции). «Новый регионализм» – многоуровневое понятие. Оно охватывает, во-первых, такие крупные и разные по характеру региональные структуры, как Европейский союз, АТЭС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН и т. п.; во-вторых, участие регионов (внутренних субъектов) отдельных государств в образовании приграничных общих хозяйственных пространств ряда стран;⁴¹ в-третьих, активное развитие межрегиональных интеграционных соглашений, ведущих к появлению «макрорегионов» (мощные региональные и межрегиональные коалиции государств, имеющие общие экономические, а нередко и политические и военные цели). Для «нового регионализма» характерны особенности осуществления экономической интеграции. Ведущая роль принадлежит частному капиталу

⁴⁰ Последним по времени примером тому служит расширяющийся кризис еврозоны, который, начавшись с финансового кризиса «кельтского тигра» – Ирландии, существенно осложнил финансовое положение не только таких проблемных стран, как Греция, Испания и Португалия, но и всего Европейского союза как надгосударственного интеграционного образования. В этих условиях на состоявшемся 8.12.2011 г. Саммите ЕС лидеры Франции и Германии открыто заявили о намерении продвинуть внесение существенных изменений в договор о ЕС, предполагающих ужесточение контроля за расходованием бюджетных средств и объемов госдолгов стран – членов ЕС, или же заключение нового договора между 17 странами зоны евро и всеми теми, кто пожелает присоединиться к этому союзу // РИА Новости, 09.12.2011.

⁴¹ Таковой, например, является Повестка дня на XXI в. для региона Балтийского моря, в реализации которой участвуют Дания, Германия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Эстония, Финляндия, Швеция, Европейский союз и северо-западная часть Российской Федерации, включающая в себя 6 из 83 субъектов Российской Федерации: Республику Карелия, г. Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую и Калининградскую области. Целью указанного объединения было определено «...обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей». См.: An Agenda 21 for the Baltic Sea Region – Baltic 21. Adopted at the 7th Ministerial Session of the Council of the Baltic Sea States, Nyborg, June 22–23, 1998 // Baltic 21 Series № 1/98.

и международным компаниям. Посредством «новой экономической интеграции» закладываются основы нового политического устройства мира. «Суперрегионы» движутся в направлении так называемых интегрций – наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экономического регулирования, правовыми институтами, структурами управления, системами безопасности. Поэтому в перспективе можно говорить если не о государственных, то о квазигосударственных образованиях (союзы, конфедерации).⁴²

Однако для Российской Федерации более значимыми являются проблемы межгосударственной интеграции, что означает поиск меры, сочетания общих и национальных интересов, когда обеспечению государственного суверенитета служит участие государства в договорных отношениях, союзах и т. п. Конституционные положения, закрепленные в п. 4 ст. 15, п. «б» ст. 86, ст. 106 и ст. 79 Конституции Российской Федерации, позволяют нашей стране участвовать в международно-правовых отношениях, в подготовке и реализации международных правовых актов. При этом важно подчеркнуть разнообразие как правовых режимов участия страны в интеграционных процессах, так и самих этих процессов.

⁴² Цит. по: Международная экономическая интеграция / под ред. проф. Ливенцева Н. Н. М.: 2006. С. 59–66.

§ 2. Формы и основные характеристики межгосударственной экономической интеграции

2.1. Виды интеграции

Процессы межгосударственной интеграции можно классифицировать по различным основаниям. Разделяя интеграцию на виды, например, по масштабу интеграционных процессов, можно выделить региональную и международную интеграцию. Международная интеграция, характеризуется как взаимодействие большого количества государств в рамках всего мира. Характерными отличиями международной и региональной интеграции являются географические и количественные признаки, а именно расположение и количество государств на карте мира. Региональную интеграцию, примером которой может служить интеграционное взаимодействие государств Латинской Америки или Европы в рамках одного континента можно рассматривать как отдельный вид международной интеграции, так как интеграция в рамках одного региона часто распространяет свое влияние на другие регионы мира, охватывая все большее количество государств.

Процессы межгосударственной интеграции можно классифицировать и по критерию принадлежности к одной из сфер общественной жизни. По данному критерию выделяются: политическая, правовая, культурная, экономическая интеграция и др. Политическая интеграция представляет собой процесс сближения и взаимодействия политических структур разных государств, посредством, которого образуются наднациональные органы управления. Правовая интеграция является процессом сближения правовых систем разных стран, в результате которого может быть создано единое правовое пространство. Культурная интеграция – это процесс взаимопроникновения культур разных общностей, этносов, социумов друг в друга. В отличие от политической или правовой интеграции участие органов государственной власти не является обязательным условием культурной интеграции. Данный вид интеграции чаще всего происходит на бытовом уровне, в процессе общения представителей разных культур между собой. Любое развитое общество представляет собой сложную, замкнутую систему с определенным сводом правил, которому следует большинство представителей данного общества. В процессе социальной интеграции происходит сближение разных обществ и разных социальных классов общества.

Рассмотренная выше классификация интеграционных процессов не является исчерпывающей. Например, следующую классификацию предложил С. Г. Стоякин:⁴³

1) в зависимости от сферы межгосударственного сотрудничества, в которой протекает интеграция: интеграция экономическая, политическая, научно-техническая, социальная, валютная, в экономической, военной сферах и т. д.;

2) в зависимости от подсистемы общества, в которой происходит интеграция: интеграция политическая, экономическая, в духовной сфере;

3) в зависимости от географического признака: интеграция субрегиональная, региональная, межрегиональная и глобальная;

4) в зависимости от того, осуществляется интеграция посредством правотворческой деятельности на межгосударственном уровне или происходит устранение существующих национальных барьеров, можно выделить позитивную и негативную интеграцию.

⁴³ Стоякин С. Г. Международная интеграция: понятие, виды, формы //Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 17–30.

В свою очередь Г. М. Вельяминов подразделяет интегративные процессы на три своего рода последовательных стадии: декларативную, созидательную и реальную.

Наиболее распространенной, пожалуй, является так называемая декларативная интеграция. Два или более государства, нередко по сугубо политическим мотивам, заключают рамочно-декларативного характера соглашение о намерении построения интеграционного сообщества, далее чего часто дело и не идет. Примером такого рода интеграции может, к сожалению, служить провозглашенное еще в 1991 г. намерение построения интеграционного объединения в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ).

Под созидательной интеграцией надо понимать интеграцию, постепенно и последовательно реально организуемую на правовой базе заранее согласованного графика мероприятий по сближению экономических условий отдельных стран-участниц на основе общих намеченных параметров. Такого рода эволюция с большим или меньшим успехом происходит, в частности, в рамках построения интегрируемого рынка в Союзе России и Белоруссии, в Северо-Американской ассоциации свободной торговли – НАФТА (США, Канада, Мексика), в «Андской группе» (Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор), в южноамериканских странах, входящих в МЕРКОСУР, в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Наконец, вполне реальным интеграционным объединением можно, безусловно, считать Европейский союз». ⁴⁴

Исходя из общего определения интеграции, экономическую интеграцию можно определить как взаимодействие и взаимоприспособление национальных хозяйств разных стран, ведущее к постепенному слиянию национальных экономик. Экономическая интеграция является процессом экономического взаимодействия стран, приводящим к сближению хозяйственных механизмов, процессом, принимающим форму межгосударственных соглашений и согласованно регулируемым межгосударственными органами. Л. М. Максимова и И. Я. Носкова высказывают точку зрения, согласно которой интеграция представляет собой «межгосударственное регулирование экономической взаимозависимости, формирование регионального хозяйственного комплекса с учетом потребностей региона в целом, создание единого внутреннего рынка, рост производительности труда и уровня жизни в странах объединения». ⁴⁵

Экономическая интеграция может происходить как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. Рассматривая микроэкономику как определяющее звено макроэкономических показателей государства, отметим, что экономическая интеграция в микроэкономическом смысле представляет собой взаимодействие и взаимоприспособление хозяйствующих субъектов, которое ведет к слиянию данных субъектов в один субъект экономической деятельности. Экономическая интеграция на уровне отдельных предприятий может осуществляться и на макроэкономическом уровне, например вследствие объединения двух крупных хозяйствующих субъектов, которые функционируют в разных государствах, в единый хозяйствующий субъект. В целом экономическую интеграцию можно разделить на два блока: макроэкономическую, на уровне национальных экономик государств, и микроэкономическую, на уровне предприятий.

Макроэкономическая интеграция может осуществляться на международном и региональном уровнях. Международная экономическая интеграция осуществляется на общемировом уровне. Одним из основных инструментов международной экономической интеграции вплоть до недавнего времени являлось Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), заключенное 1947 г. и представляющее собой своего рода кодекс правил регулирования внешнеторговых проблем на государственном уровне. ГАТТ закрепило принципы режима наибольшего благоприятствования и недискриминации. Им фиксировалось, что тарифные льготы,

⁴⁴ Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): учебник. М., 2004.

⁴⁵ Максимова Л. М., Носкова И. Я. Международные экономические отношения. М., 1995. С.154.

предоставляемые одним государством-участником другому, в силу принципа наибольшего благоприятствования автоматически распространяются на все другие государства – участники ГАТТ. Одновременно оно предусматривало применение национального режима в отношении транзита, антидемпинговых пошлин, таможенных формальностей. На базе ГАТТ сложился механизм, обладающий чертами международной организации, и потому в 1994 г. на Уругвайском раунде ГАТТ было преобразовано во Всемирную торговую организацию (ВТО). В течение 1995–1996 гг. ГАТТ и ВТО существовали параллельно, затем страны – участницы ГАТТ вошли в состав ВТО, и ГАТТ стало составной частью ВТО. И если в системе ГАТТ преобладающая часть соглашений подлежала применению «в максимальной степени совместимой с национальным законодательством», т. е. закреплялся приоритет национального права по сравнению с правилами ГАТТ, то в системе ВТО произошло усиление международно-правового режима, обеспечивающего приоритет международных правовых норм.

В настоящее время ВТО представляет собой постоянно действующую организацию, контролирующую 95 % международной торговли. Основными направлениями деятельности ВТО являются:

- выполнение административных функций в отношении многосторонних соглашений, являющихся Приложением к Соглашению о ВТО, и их имплементация в национальное законодательство;
- содействие проведению многосторонних торговых переговоров между государствами-членами;
- урегулирование торговых споров;
- контроль за торговой политикой государств;
- сотрудничество с другими международными учреждениями для выработки курса глобальной торговой политики.

Основными целями и задачами ВТО провозглашены либерализация международной торговли, обеспечение ее справедливости и предсказуемости, экономический рост и повышение благосостояния, обеспечение полной занятости, защита и сохранение окружающей среды. Нормы и правила ВТО должны быть имплементированы в национальное законодательство и иметь приоритетную силу.

С правовой точки зрения система ВТО представляет собой своеобразный пакет соглашений: Генеральное соглашение по тарифам и торговле; Генеральное соглашение по тарифам и торговле; Соглашение по сельскому хозяйству; Соглашение по текстилю и одежде; Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС); Соглашение по процедурам импортного лицензирования; Соглашение по правилам происхождения; Соглашение по защитным мерам; Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС); Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). В этих договорах обязательно должны участвовать все государства – члены ВТО. Кроме того, в рамках ВТО существует ряд многосторонних соглашений, необязательных для участия.

Государство, желающее вступить в ВТО, должно определить на условиях взаимности с государствами – членами ВТО ставки импортных тарифов и условия поставки услуг; согласовать уровень государственной поддержки аграрного сектора экономики; признавать правила ВТО при урегулировании торговых споров.⁴⁶ Так, например, в ходе переговоров по присоединению к ВТО Российской Федерации было установлено, что снижение средневзвешенной ставки импортных пошлин составит порядка 3 процентных пунктов. Аналогичное снижение будет достигнуто в части промышленных товаров: ставки пошлин на иностранные лекарства снизятся с 15–5 % до 6,5–5 %, опережающими темпами будут снижаться пошлины на медицинское оборудование и лекарственные субстанции (до 2–3 %); будут заметно снижены или

⁴⁶ См.: официальный сайт Всемирной торговой организации: <http://www.wto.org>

отменены ставки пошлин на технологическое, строительное, научное и измерительное оборудование, на компьютеры, средства их производства, элементную базу, бытовую электротехнику и электронику и иные товары, тогда как в отношении транспортных средств уровень тарифов на момент присоединения к ВТО должен вернуться к «докризисному» состоянию российского тарифа до 2009 г. В части сельскохозяйственных товаров и продовольствия снижение составит порядка 4,4 процентных пункта. Кроме того, Россия принимает на себя обязательства по 116 секторам услуг (из 155 секторов, предусмотренных классификацией ВТО), а также ряд обязательств системного характера.⁴⁷

Региональная экономическая интеграция происходит в отдельно взятом регионе мира; она может являться как плацдармом для развития международной интеграционной экономики, так и следствием международной интеграции. В процессе как международной, так и региональной экономической интеграции могут создаваться специальные организации наднационального или координационного типа. Основное отличие международной и региональной экономической интеграции состоит в масштабе распространения данных явлений. Региональная экономическая интеграция затрагивает национальные экономики группы государств отдельно взятого региона, в то время как международная направлена на объединение всех государств мирового сообщества в единую экономическую систему.

Межгосударственная экономическая интеграция в своем развитии проходит несколько этапов. Так, Б. Балашша предлагает различать пять основных форм интеграции (типов интеграционных соглашений):⁴⁸ зона свободной торговли; таможенный союз; общий рынок; экономический союз; полная экономическая и политическая интеграция.

Под зоной свободной торговли принято понимать такую форму соглашений, при которой ее участники договариваются о снятии таможенных тарифов и квот в отношениях друг с другом. Вместе с тем в отношении третьих стран каждый участник зоны свободной торговли имеет право проводить свою собственную внешнеторговую политику. Подобная форма интеграции реализуется в ЕАСТ, НАФТА, АСЕАН.

Основное отличие таможенного союза от зоны свободной торговли заключается в том, что участники таможенного союза не только устраняют тарифы и квоты в торговле между собой, но и проводят единую внешнеторговую политику в отношении третьих стран. Таможенный союз предполагает замену нескольких таможенных территорий одной. При этом таможенные службы на внутренних территориях упраздняются, а их функции передаются соответствующим службам на внешних границах единой таможенной территории. Примером такого образования является Европейское экономическое сообщество (переросшее позже в Европейский союз), а также МЕРКОСУР.

В добавление к тому, что предусматривают рамки таможенного союза, общий рынок предполагает устранение препятствий для свободного перемещения между странами-участниками всех факторов производства. Сказанное предполагает сближение национальных законодательств, стандартов, а также развития институциональных основ интеграции, формирование общих органов управления объединительными процессами.

Свободному движению товаров препятствуют различия в экономической политике, проводимой государствами, входящими в общий рынок. Поэтому форма экономического союза предполагает снятие отмеченного выше противоречия путем согласования экономической политики, проводимой странами-участницами. Такая ситуация была характерна, в частности, для Совета Экономической Взаимопомощи (1949–1991 гг.), где главным средством формиро-

⁴⁷ См. подробно: официальный сайт Минэкономразвития России: <http://www.economy.gov.ru>

⁴⁸ Balassa B. The Theory of Economic Integration. London. 1962. P. 1.

вания устойчивых экономических связей между странами выступала координация народнохозяйственных планов.⁴⁹

Более сложная форма интеграционного объединения – валютный союз, предполагающий создание единой региональной валютной системы (создание единого центрального банка и введение единой валюты). Обеспечивается согласование и становление единой валютно-кредитной скоординированной макроэкономической политики.

Полная экономическая и политическая интеграция предполагает превращение единого рыночного пространства в целостное экономическое и политическое образование, что означает не просто согласование, но и проведение унифицированной, фактически единой, экономической политики, полную унификацию законодательной базы. На этом этапе вызревает необходимость и постепенно формируется новый многонациональный субъект международных экономических и политических отношений, происходит движение к созданию единого федеративного или конфедеративного государства.⁵⁰

Стоит заметить, что приведенная выше классификация, в основу которой положено движение от «простых» к «сложным» формам интеграции, является лишь одним из вариантов теоретического обобщения. Действительность такова, что в рамках одного географического региона возможно «сосуществование» сразу нескольких типов интеграционных соглашений. С развитием общественных отношений появляются и новые, более сложные формы межгосударственных объединений (учрежденные на базе не только экономического сотрудничества, но и взаимодействия в социальной, культурной сферах, организованные на новых принципах распределения властных полномочий).

Теория и практика интеграционного взаимодействия государств предполагают три основные модели социального интегрирования: функционализм, федерализм, транснационализм (плюралистическая модель).

Функционалисты (Д. Митрани, Э. Хасс, Л. Линдберг, С. С. Джорж, Я. Тинберген и др.) объединение политических институтов государственной власти рассматривают как следствие сближения отдельных лиц, социальных групп и государств по экономическим интересам. Причем, по их мнению, в ходе межгосударственной экономической интеграции произойдет естественный эволюционный переход от государственной власти к межрегиональной, а затем и к всемирной. В результате должна появиться некая «всемирная социально-психологическая общность» при постепенном отмирании суверенитетов государств.⁵¹

Представители федералистской теории (Ж. Моне, Р. Шуман, А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих и др.), напротив, выступают не за экономическую интеграцию, а за интеграцию посредством сближения политических институтов государств при договорном отказе от централизма и при распределении полномочий между центром и субъектами федерации.⁵²

Суть транснационализма (К. Дойч, Д. Пучала и др.) заключается в предложении воспринять «объединительную идею» в принципе и не предъявлять при этом к субъектам интеграции жестких требований по поводу того, как себя вести при той или иной форме сближения. Главное, как отмечает К. Дойч, чтобы основные интересы государств, как политические, так и социокультурные, не противоречили друг другу, а наиболее общие интересы были бы предсказуемы и прогнозируемы.⁵³

⁴⁹ См. подробно: Совет Экономической взаимопомощи: основные правовые проблемы. М., 1975 г.; Фаддеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи. М., 1974. С. 123–183 и др.

⁵⁰ Цит. по кн.: Международная экономическая интеграция. С. 34–35.

⁵¹ Mitran D. A. Working Peace System. London, 1943. P. 10–15; Marks Gari, oth. Governance in the European Union. London, 1996. P. 5–7.

⁵² Euro-Politics: Institutions and Polisymaking in the European Community / Ed. by A. M. Sbargia. London, 1992. P. 110–112; Barnes P. M. The Enlarged European Union. London, 1995. P. 4–5.

⁵³ Deutsch K. W. The Impact of Communications upon International Relations Theory // Said A. Theory of International Relations:

Таким образом, теории интегрирования предлагают разные способы интеграции государств. Но при этом ни одна из данных теорий не отрицает того, что целью международной интеграции является развитие основных общественных ценностей, достижение экономического процветания и обеспечение безопасности, поскольку отдельно взятое государство в современных условиях объективно не способно качественно обеспечить названные приоритеты.

2.2. Взаимосвязь правовой и экономической интеграции

Осуществление экономической интеграции на региональном и международном уровнях тесно связано с правовой интеграцией стран-участников, поскольку оно требует создания единого (целостного) правового поля для развития интеграционных процессов и взаимодействия субъектов интеграции. «Когда речь идет об экономической интеграции политически независимых государств, неизбежно возникает потребность в унификации и гармонизации законодательства», – констатирует Н. Г. Доронина.⁵⁴ Это означает, что осуществление интеграции в экономике и осуществление интеграции в праве представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Осуществление экономической интеграции невозможно без сближения правовых систем государств – участников интеграционного взаимодействия.

Под воздействием интеграции меняется и структура международного права. Международное право, кроме системы норм общего международного права, включает в себя множество макро- и микронормативных систем, каждая из которых действительна только для ограниченного круга его субъектов. В силу универсализма общего международного права все нормативные системы ограниченного действия оказываются связанными с общим международным правом и между собой в единую систему международного права как правовой формы организации и регулирования мирового интеграционного процесса.⁵⁵

Правовыми формами интеграционных взаимосвязей государств являются как традиционные (и притом универсальные) формы международного права – международный договор и международный обычай, так и новейшие (преимущественно организационные) формы международно-правовых объединений государств – международные организации и иные международные институты (комиссии, бюро и т. п.).

Естественно, что потребности расширения и углубления процесса международной интеграции существенным образом сказались также на развитии традиционных форм международного права. Получили широкое и все возрастающее распространение многосторонние договоры, среди них – групповые, региональные и универсальные.⁵⁶

Однако наиболее наглядно современные тенденции интеграционного процесса проявились в рожденных ими новых международно-правовых формах общения государств – международных организациях и иных международно-правовых институтах.

Что же касается региональных и субрегиональных интеграционных процессов, то они, как и глобальный процесс, все в большей мере институционализируются, приобретают формы многочисленных международных организаций и других международно-правовых объединений. Роль каждой из этих организаций в мировом интеграционном процессе, естественно, не равнозначна. Она зависит от предметной и пространственной сферы деятельности организации, степени зрелости и устойчивости объективных предпосылок ее деятельности, ее включен-

The Crisis of Relevance. London, 1968. P. 143–145.

⁵⁴ Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.

⁵⁵ См.: Курс международного права. С. 20.

⁵⁶ См.: Талалаев А. Н. Право международных договоров. М., 1980. С. 99–104.

ности в международную систему глобальных или групповых институционализированных взаимосвязей и многих других факторов, в том числе конъюнктурного и временного характера.

Неоднородны они и по своему правовому статусу. Большинство из них представляют собой межгосударственные организации координационного типа. Некоторые же, оставаясь в своей основе межгосударственными, наделены надгосударственными правомочиями («наднациональные организации»). И те, и другие суть различные формы институционализации международного интеграционного процесса, причем вторые, судя по тенденции развития европейских сообществ, представляют собой, видимо, некую переходную форму к новому типу интеграции. Но на современном этапе своего развития и такие переходные формы все еще остаются международно-правовыми институциями.⁵⁷

Несмотря на сложность и многогранность вопросов, связанных с интеграцией, можно сказать, что интегративные процессы в современном мире приводят к созданию новых, самостоятельных образований, обладающих признаками целого, единого организма. В связи с этим возникают вопросы правовой природы интегративных образований, изменения суверенитета национальных государств, входящих в то или иное интегративное образование. Вопросы суверенитета государств в эпоху глобализации уже затрагивались в настоящем исследовании. Ниже рассмотрим еще несколько аспектов данной проблемы.

Исследователи отмечают, что в XX в. концепция государственного суверенитета приобрела новый смысловой оттенок, поскольку государства в рамках международного сотрудничества ограничивают свой суверенитет на взаимной и добровольной основе.⁵⁸ Особенно активно проблема суверенитета национальных государств, входящих в то или иное интеграционное сообщество, обсуждается в отношении государств – членов Европейского союза.⁵⁹ Ряд авторов рассматривают Европейский союз как некий аналог государственного союза федеративного типа. В пользу этой точки зрения приводят, в частности, факт существования автономного порядка сообществ, распространяющегося не только на государства-члены, но и на их граждан и основанного на их учредительных актах, рассматриваемых как своего рода конституции. То обстоятельство, что в рамках этого правопорядка существует примат права сообщества над национальным правом государств-членов, в целом признаваемым последними, является основанием для проведения параллели с принципом приоритета федерального права перед правом субъектов федерации. В «смягченном» варианте Европейский союз рассматривается как ассоциация суверенных государств с тенденцией развития к объединению федеративного типа.⁶⁰

Если согласиться с этой точкой зрения, пишет Н. Б. Пастухова, то можно предположить, что состоящий из суверенных государств Европейский Союз в будущем в результате поэтапного отказа государств-членов от некоторых прав, присущих суверенитету, в пользу Союза может приобрести качества федеративного государства.

С другой стороны, Европейский союз может рассматриваться как международная организация с наднациональными полномочиями. В этом случае речь может идти об определенных добровольных ограничениях прав государств-членов в пользу организации или, точнее, добровольной передаче вытекающих из суверенитета определенных прав государств-членов органам Европейского союза.

Как подчеркивают многие исследователи, проблема суверенитета государства, входящего в то или иное интеграционное образование, так или иначе связана с наднациональностью. «Наднациональность» называется нередко отрицанием, умалением или обратной стороной

⁵⁷ См.: Курс международного права. С. 26–27.

⁵⁸ См.: Ключев П. А. Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств – членов Европейского союза // Юридические науки. 2006. № 4. С. 22.

⁵⁹ См.: Пастухова Н. Б. Международная интеграция и государственный суверенитет // Государство и право. 2006. № 10. С. 82–85.

⁶⁰ См.: Lasok D., Bridge J. Introduction to the Law and Institutions of the European Communities. London, 1982. P. 33.

государственного суверенитета.⁶¹ Без сомнения, категории «суверенитета» и «наднациональности» связаны между собой. Однако важно установить между ними верное логическое соответствие, верную зависимость.

Суверенитет, отмечает М. А. Королев, явление, прежде всего, качественное. Возникающий с момента образования государства и исчезающий с его прекращением, суверенитет – это неперенный спутник государства, это условие возможности существования государства как субъекта международного права. При рассмотрении вопроса о наднациональности следует исходить из единства и неделимости государства как неотъемлемого качества государства. Эту краеугольную, сущностную сторону понятия суверенитета следует отличать от того объема суверенных прав, которыми обладает государство. Этот объем суверенных прав, количественная производная суверенитета как качества и может быть объектом «передачи» (делегирувания). Утверждения, связывающие возникновение наднациональности с неким «ограничением суверенитета», с тем, что государства могут «поступаться частью своего суверенитета», следует понимать в широком смысле слова, в свете широкого толкования суверенитета. Во избежание двусмысленности, полагает М. А. Королев, правильнее было бы говорить не об ограничениях и уступках суверенитета, а о делегировании государством части своих суверенных прерогатив, суверенных полномочий.

По мнению исследователя, такая передача суверенных прерогатив никоим образом не влечет за собой каких-либо отрицательных, угрожающих последствий для суверенитета как неизменного качественного свойства государства, в силу которого оно способно на все больший и больший объем последовательных уступок полномочий; напротив, она ведет к утверждению его приоритетного значения по отношению к иным проявлениям государственности. Посредством участия в организациях, наделенных наднациональными полномочиями, государства не только не претерпевают умаления своего суверенитета, но «приобретают право расширять сферу своих действий далеко за пределы территориального верховенства».⁶²

Таким образом, «наднациональность» проявляется в том, что государства сознательно передают выполнение части своих суверенных компетенций «внешней и высшей власти, которая институционализируется в рамках интеграционного сообщества».⁶³

Важно заметить, что государство, вступая в интеграционное объединение, не ограничивает, а реализует свой суверенитет, что было подтверждено решением Постоянной палаты международного правосудия (Permanent Court of International Justice) по делу Уимблдон еще в 1923 г. Суд постановил: «Суд отказывается усматривать в заключении какого-либо договора государством, по которому оно берет на себя обязательство исполнять или воздерживаться от исполнения, акт отказа от суверенитета. Не вызывает сомнения, что какая-либо Конвенция, создающая обязательства для государства, накладывает ограничения на реализацию суверенных прав государства, в том смысле, что требует их исполнения в определенном порядке. Но право на вступление в международные обязательства – это свойство, характерный признак суверенитета государства».

История понятия «наднациональность» начинается с европейской интеграции, оно вошло в обиход благодаря федералистскому направлению в политико-правовой мысли Запада, представленному, прежде всего, Жаном Монэ и Робером Шуманом. В официальные документы этот термин был включен во время разработки Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанного в 1951 г. В тексте Договора дефиниция поня-

⁶¹ См.: Королев М. А. Наднациональность с точки зрения международного права // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 3–20.

⁶² Колосов Ю. М. К вопросу о примате международного права. // Международное право в современном мире. М., 1991. С. 8.

⁶³ Sobrino Heredia J. M. Integración y supranacionalidad, soberanía y derecho comunitario en los países Andinos. Secretaría General de la Comunidad Andina y Programa de Cooperación Andina a Bolivia / PCAB. Lima-Perú, Julio 2001.

тия «наднациональность» не содержится, но сам термин используется (пп. 4, 6 ст. 9). Однако в 1967 г. ст. 9 Договора была отменена. А впоследствии и само европейское объединение угля и стали, с которого начиналось строительство Европейского союза, прекратило свое существование. В настоящее время нет международно-правового акта, в котором раскрывалось бы понятие «наднациональность». Не существует устоявшегося определения и в международно-правовой литературе.⁶⁴

Однако несмотря на все вышесказанное, термин «наднациональность» прочно вошел в терминологический оборот. Анализируя различные подходы к пониманию наднациональности, можно сказать, что многие исследователи сходятся на том, что наднациональность возникает тогда, когда некое образование получает возможность обязывать своими конкретными действиями стоящие у его истоков государства, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельно взятом случае, т. е. приобретает в отношении них определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий и за счет этого как бы «возносится» над ними, ввиду чего в литературе иногда используется иной термин для обозначения рассматриваемого явления – «надгосударственность». То есть вне зависимости от употребляемых наименований суть наднациональности состоит в том, что нечто в порядке иерархических взаимосвязей подчинения-подчиненности располагается над государствами как суверенными единицами. Следовательно, наднациональность может существовать лишь в рамках тех международных образований, в которых составные элементы полностью не утратили своего суверенитета.⁶⁵

Используя этимологический анализ слова «наднациональный» можно сказать, что уже в самом слове заключен элемент подчинения «национального» (национальных государств) чему-то над-, сверхстоящему, имеющему какую-то властную силу над «национальным».

Ранее отмечалось, что понятие «наднациональность» берет начало в федералистских идеях конца 40-х – начала 50-х гг. Однако с юридической точки зрения в федерации явления наднациональности быть вообще не может, поскольку субъекты таковой не обладают суверенитетом, своей суверенной государственностью. Термин «наднациональность» в данном случае допустимо употреблять лишь с политологическими целями, для подчеркивания того факта, что в новом едином образовании центральная власть управляет административными единицами, бывшими еще в недавнем прошлом территориями, которые существовали суверенно.⁶⁶

В отличие от федерации, в конфедерации – договорном объединении суверенных государств, не имеющем собственной международной правосубъектности, – отчетливо просматриваются все признаки уже готового наднационального образования. Конфедерация – это особый союз (объединение) государств, сохраняющих свое качество суверенных образований, наделенных определенными наднациональными качествами, позволяющими ему выступать в этом наднациональном качестве субъектом международно-правовых отношений.⁶⁷

В литературе явление «наднациональности» связывается прежде всего с международными организациями. Например, Е. А. Шibaева считает, что вопрос о наднациональности международной организации – это вопрос о соотношении суверенитета государств-членов с полномочиями созданного ими внутриорганизационного механизма. Вступление государств в международную организацию влечет за собой добровольное делегирование этой организации

⁶⁴ Мещерякова О. М. Понятие «наднациональность» и суверенитет государств – членов ЕС // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2007. № 3. С. 61.

⁶⁵ Королев М. А. Наднациональность с точки зрения международного права // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 5–6.

⁶⁶ Королев М. А. Наднациональность с точки зрения международного права // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 6.

⁶⁷ Ушаков Н. А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. 1994. № 2. С. 14.

части своих суверенных прав.⁶⁸ М. А. Королев обосновывает присутствие наднациональных начал в международных организациях наличием неких конфедеративных тенденций, если не сущностных, то функциональных. По его мнению, наиболее важными признаками наднациональности являются: внутреннее право наднационального объединения автоматически становится внутригосударственным правом его членов, оно творится органом, действующим юридически неподконтрольно государствам-членам и принимающим обязательные для государств решения вне зависимости от отрицательного к ним отношения со стороны одного или нескольких государств, при том что соответствующие вопросы полностью или частично (конкурирующая компетенция) изымаются из ведения таковых. Согласно автору, абсолютной наднациональности существовать не может. В чистом, сущностном виде наднациональность вообще невозможна, поскольку до тех пор, пока государства наднационального образования сохраняют суверенитет, они обладают способностью в любое время прекратить свое членство в нем, и отнять это право у суверенных государств нельзя, равно как и сами они от него отказаться не могут. Исходя из этого, ученый признает существование функциональной наднациональности, которая является способом единообразного регулирования определенной области жизни государств, заключивших между собой с этой целью соответствующее соглашение. Примером функциональной конфедерации может быть назван Европейский союз.

Высказываются и иные позиции касательно возникновения у того или иного интеграционного объединения самостоятельного суверенитета. Так, Ю. Н. Малеев пишет: «...государства – члены ЕС, оставаясь суверенными, вместе с тем уже сегодня обладают новым качеством совместного суверенитета, которое не может быть выражено ни одним из названных терминов. Представляется возможным для обозначения данного явления использовать термин «коммунитет», который возникает как слагаемое целого ряда однородных факторов социального развития стран региона: экономических, политических, культурных, военных, исторических и идеологических».⁶⁹

Данная точка зрения представляется спорной. Право, складывающееся в рамках интеграционного сообщества (так называемое интеграционное право или коммунитарное право), отличается от международного права по объекту, субъектам, методам правового регулирования. Объектом международного права являются международные (межгосударственные) отношения. Сущностным признаком таких отношений является то, что их субъекты независимы от какой бы то ни было власти и обладают высшей, суверенной властью.⁷⁰ Механизм формирования и действия международного права носит межгосударственный, а не надгосударственный характер. Его нормы создаются путем соглашения субъектов.⁷¹ В свою очередь объектом регулирования «интеграционного права» являются отношения, складывающиеся в рамках интеграционного сообщества. «Перераспределение» внутригосударственных полномочий в пользу наднациональной структуры, как уже ранее отмечалось, стало возможным благодаря развитию доктрины о государственном суверенитете. Латиноамериканский профессор А. Р. Васкес предлагает к традиционному свойству суверенитета «границы» от другого государства добавить свойство «ограничений», которые могут быть предусмотрены международным договором, по которому делаются уступки или передается компетенция в пользу наднациональных органов, что и обуславливает рождение «коммунитарного порядка».⁷² Нормы интеграционного права

⁶⁸ Шибаева Е. А. К вопросу о наднациональном характере универсальных международных организаций // Московский журнал международного права. 1992. № 4. С. 45.

⁶⁹ Малеев С. Н. Международное право в современном мире. М., 1991. С. 57.

⁷⁰ См.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2005. С. 13.

⁷¹ См.: Там же. С. 11.

⁷² Vazquez A. R. Soberania, supranacionalidad e integracion: la cuestion en los paises del Mercosur // <http://www.juridicas.unam.mx>

создаются путем нормотворчества компетентных органов интеграционного объединения, контроль за их исполнением возлагается также на органы этого сообщества.

Основными целями правового регулирования международного права являются мир и сотрудничество государств. Целью интеграционного права является углубление и развитие процессов интеграции: «коммунитарное право стремится к тому, чтобы быть правопорядком, который служит функционированию экономической интеграции, и который ее контролирует, регулирует и ориентирует».⁷³ Цели интеграции, обозначенные в учредительных документах интеграционных объединений, это, прежде всего, повышение экономического и социального благосостояния населения, упрощение торгового и хозяйственного оборота между государствами в рамках единого интеграционного пространства. Правовое регулирование, осуществляемое в рамках сообщества, направлено, в первую очередь на формирование единого рынка, а потому касается как вопросов публичного, так и частного права.

Субъектами интеграционного права являются не только государства и другие субъекты международного права, но и частные лица, на которые распространяются права и обязанности, налагаемые законодательной властью их национальных государств, а также наднациональной властью. Интеграционное право превосходит классическое международное право в том смысле, что создает правопорядок, субъектами которого являются не только государства как таковые, но и физические и юридические лица, которые прямо применяют интеграционное право в пределах коммунитарной территории.⁷⁴

Таким образом, право, складывающееся в рамках интеграционных объединений, является международно-правовым по своему происхождению, которое под воздействием процессов интеграции развилось в автономную правовую систему – коммунитарное (интеграционное) право.⁷⁵ Такая схема воплощена в Европейском союзе. Европейское право состоит из так называемого первичного права ЕС, к которому, прежде всего, относятся договоры о создании ЕЭС, а также договоры, их изменяющие и дополняющие (Амстердамский договор, вступивший в силу в 1999 г.), и вторичного права ЕС, которое создается органами этого Союза путем принятия регламентов, директив и иных актов (решений).⁷⁶

Правовая интеграция, по мнению А. В. Егорова,⁷⁷ – это объективное проявление социально-психологической потребности сообществ к сближению, которая выражается в гармонизации национально-правовых интересов различными способами и методами, но не представляет собой процесса или результата полной идентификации данных «правопорядков». Правовая интеграция включает в себя: а) правовую сферу и нормативный объем интеграции; б) субъекты интеграции; в) юридический инструментарий интегрирования.

Исследователь полагает, что право, будучи нормативным инструментом регулирования общественных отношений, лишь обеспечивает экономические, политические, социально-культурные и иного вида интеграционные процессы. В частности, оно может способствовать развитию, усовершенствованию определенных интеграционных объединений или упреждать негативные проявления сближения общественных образований – нелегальную миграцию, транснациональную преступность и т. д. Но право само по себе не порождает ни экономической, ни политической, ни какой-либо другой интеграции. Интеграция – это самостоятельный объективный процесс взаимопроникновения элементов сферы человеческого бытия,

⁷³ Restrepo F. U. El Derecho de la Integración en el Grupo Andino. Quito. 1990. P. 43.

⁷⁴ Restrepo F. U. Op.cit. P. 40.

⁷⁵ Далее в настоящем исследовании термины «коммунитарное право» и «интеграционное право» используются как синонимы.

⁷⁶ См.: Богуславский М. М. Международное частное право. М., 2006. С. 52–53.

⁷⁷ См.: Егоров А. В. Правовая интеграция и ее содержание // Государство и право. 2004. № 6. С. 74–84.

где право является одним из формально-структурных образований, обеспечивающих интегрирование.⁷⁸

Под правовой сферой интеграции следует понимать объективные проявления функционирования правовой системы, которые можно определить в виде трех правовых компонентов – нормативного, доктринального (теоретического) и юридико-технического.

Интеграция нормативной сферы предполагает сближение правовых стандартов и мер поведения.

Интеграция в доктринальной сфере может быть представлена в трех вариантах. В первом случае речь идет о теоретическом обеспечении (подготовке) нормативной интеграции. Сближение теоретических взглядов и позиций субъектов интеграции на ту или иную правовую проблему может проходить в течение не одного десятилетия. Так, разработка единых стандартов в сфере международного морского права велась в течение 10 лет. Меньший временной промежуток занимает реализация второго варианта доктринального интегрирования, когда без изменения нормативных компонентов происходят изменения в их применении. Данная практика была широко распространена в странах, где наряду с местным правом прививались нормы общего права. Третий вариант интеграции в доктринальной сфере проявляется в единой стратегической концепции правового развития определенных сфер правовой жизни стран или регионов.

Еще одним компонентом сферы правовой интеграции является юридико-техническое сближение правовых систем. Здесь речь идет о формировании языка права, о методах толкования права, о способах изложения норм права, о методах применения права в работе юрисдикционных органов и т. д. Активизация интеграционных работ в данной сфере качественно влияет на ход интеграции доктринальных и нормативных компонентов правовой действительности, поскольку правоприменительная практика определяет необходимость нормативного упорядочения определенных проявлений социальной действительности, а также дает теоретическое обоснование появлению и функционированию новых нормативных регуляторов.

Субъектами интеграционных процессов являются две группы элементов: группы официальных субъектов, носителей субъективно-властной воли по изменению правовых комплексов, и группы неофициальных субъектов, которые не принимают юридически значимых решений, а лишь способствуют осуществлению процесса интегрирования. К субъектам первой группы необходимо отнести государственные органы, должностных лиц и народ. Эти субъекты по характеру осуществляемых правотворческих функций соответствуют трем видам правотворчества – правотворчеству государственных органов, санкционированному правотворчеству и народному правотворчеству (референдуму). Вместе с тем большое влияние на процессы правового интегрирования оказывает и другая группа субъектов, которые содействуют интеграции, но не определяют ее окончательный результат. В данную группу предлагается включить субъекты, не принимающие юридически значимые решения по созданию, изменению или прекращению функционирования соответствующего правового элемента – общественные организации, научные объединения, группы ученых или другие образования, оказывающие влияние на правотворческий процесс в качестве носителей элементов правовой идеологии и правовой психологии. Роль субъектов интеграции в интеграционных процессах не одинакова. Это объясняется как характером объекта интеграции, так и особенностями действующих на момент интеграции условий жизни общества. Поэтому иногда роль общественных организаций в интеграции оказывается более значимой, нежели роль государственных органов. Роли основных и вспомогательных субъектов интеграции распределяются также в зависимости от характера интегрируемых сфер правовой жизни общества. При нормативной интеграции ведущая роль в интегрировании принадлежит основным (или публичным) субъектам. При доктринальной

⁷⁸ Егоров А. В. Там же. С. 74.

или юридико-технической интеграции возрастает значение деятельности других субъектов интеграции – научно-исследовательских объединений, иных профессиональных организаций и даже отдельных индивидов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.